

Часть 2

УДК 821.16

*Шешкен Алла Геннадьевна
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛАВЯНСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА)

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о национальной специфике славянского постмодернизма. В статье утверждается, что накопленный славянским постмодернизмом опыт позволил выделить некоторые характерные для него черты. Он предложил свой постмодернистский вариант исторического прошлого и истории национальной культуры, не утратил связь с фольклором и откликнулся на радикальные изменения жизни в 1990-е гг.*

***Ключевые слова:** национальная идентичность, национальная идея, национальный характер, славянский постмодернизм, южнославянский постмодернизм.*

***Abstract.** The article examines the question of the Slavic postmodernism national specifics. The article argues that the experience accumulated by the Slavic postmodernism made it possible to highlight some of its characteristic features. It proposed its own postmodern version of the historical past and the history of national culture, at the same time it did not lose touch with the folklore and responded to the radical changes in the 1990s.*

***Keywords:** national identity, national idea, national character, Slavic postmodernism, South Slavic postmodernism.*

Вопрос о национальной специфике славянского постмодернизма, как и вопрос в принципе о национальной специфике этого направления, непростой. Существует точка зрения в том числе отечественных ученых, утверждающая, что «никакого «национального» постмодернизма нет и существовать не может» [1, с. 106]. Она основывается на универсальности постмодернистского сознания, его «непривязанности» к конкретной национальной культуре, известной «космополитичности». Тем

не менее, имеющаяся уже историческая перспектива позволяет говорить о том, что и у этого направления есть свое национальное лицо. Свою роль тут играет историческая и литературная ситуация, язык, литературная традиция, склад мышления и пр.

Первые опыты постмодернистской прозы стали появляться в югославянских литературах в конце 1960-х гг. (речь в первую очередь идет о литературах бывшей Югославии). В начале 1980-х гг. постмодернизм оформился как литературное направление, на протяжении 1990-х и в начале 2000-х гг. его роль в национальном художественном процессе была весьма значительной, затем она стала ослабевать, хотя говорить о том, что «эпоха постмодернизма» закончилась, не приходится до сих пор. Эпохальные события истории конца XX – начала XXI вв. (распад Югославии 1991), смена социального строя и межэтнические конфликты, художественный контекст, в котором славянские литературы развивались, определили национальную специфику постмодернизма (как и культуры в целом), отразились на творческой эволюции художников слова, в значительной мере повлияли на тематику и проблематику их произведений. Авторами постмодернистской прозы и драмы были, в основном, профессиональные филологи, чувствительные к поискам мирового искусства слова. Для них «литературность» мировосприятия («мир как текст»), лабиринт библиотеки, способность по разным поводам цитировать произведения национальной и мировой литературы (нередко их пародируя) являются частью внутреннего мира и профессиональной жизни. Они адресуют свои произведения образованному читателю, с которым можно вести увлекательную интеллектуальную игру.

Как показали исследования отечественных ученых, переломная эпоха во многом определила специфику славянского постмодернизма. Славянские писатели не смогли укрыться «в библиотеке» от потрясений реальной жизни, отражение которых тоже придает национальную окраску их творчеству. Постмодернистский хаос, нестрашный в «тексте» и философии, где он «утверждал плюралистичность мировосприятия» [2], в реальной жизни обернулся человеческими драмами и трагедиями (особенно на постюгославском пространстве), неизбежными спутниками эпохи социальной ломки.

Постмодернизм в славянских литературах (сербской, хорватской, македонской, болгарской) во многом опирался на Х. Л. Борхеса. Хорватские ученые называют своих авторов «борхесианцами». Македонский ученый М. Гюрчинов назвал Борхеса «литературным отцом» македонского постмодернизма [3, с. 444].

В начале 1980-х гг. постмодернистский взгляд на литературу был заявлен в программных публикациях. Молодые поэты Л. Димитровский (1953), М. Линдро (1952), критик Д. Коцевский (1947) выступили с манифестом «На шаг от слова»

(«На чекор од говорот», 1980). Манифест содержал прямую отсылку к суждениям Р. Барта, высказанным в известном эссе «S/Z» (1970) об интертекстуальности. В духе всепроникающей постмодернистской иронии македонские литераторы пародируют сам жанр литературного «манифеста», прибегая при этом к остроумной находке. Самым известным был в те годы не литературный манифест, а «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса. Стиль и фразы именно этого «текста», как и других канонических для марксизма работ, дерзко, с молодым задором (марксизм еще оставался государственной идеологией) пародируют македонские писатели: «Теоретики и поэты до сих пор лишь по-разному трактовали поэзию. Задача – деконструировать ее. Корни исчерпанности и пресыщенности поэзии мы видим главным образом в перенасыщенной поэтизации, в основе которой – лиричность, метафоричность, образность»¹.

Ряд молодых авторов («в основном городские жители»), явно выделявшихся стремлением «идти в ногу со временем, а это означало: культивирование мультимедиальности, поиски взаимодействия с фильмом, комиксом, фотографией, рок-музыкой, телевидением, с целью добиться радикальной деканонизации новеллистики, жанра, в котором они чаще всего реализовывались. Они стремились осуществить на македонской литературной почве идеи Борхеса, интертекстуальность и мультиинтеллектуальность их великого учителя, при выраженном желании отойти от преувеличенной литературности, провозглашенной модернизмом, и создать новые литературные миры при помощи «новой фрагментации», в которой собственная идентификация сравнима с “осколками стекла, рассыпанными на тротуаре”» [3, с. 444].

Рассказы и романы имеют ряд характерных для литературы постмодернизма особенностей. Мир воспринимается ими как некий текст, автор которого скрыт под маской «скриптора», снимающего с себя ответственность за идейное и художественное содержание произведения и сводящего свою роль к простому воспроизведению, то есть пересказыванию. У современных «скрипторов» это часть мистификации читателя. Писатели наполняют собственное повествование цитатами, ироническими отсылками к шедеврам мировой литературы и классическим текстам национальных авторов. Ярким примером является лирика 1980-х гг. К. Кюлавковой (сборники «Наш согласный», 1981; «Новый путь», 1984). Ее поэзия предполагает читателя, способного ориентироваться в литературном лабиринте. Одно из ее стихотворений составлено из названий произведений классиков лите-

¹ Пародируется известный тезис К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его». Эта фраза высечена на памятнике К. Марксу, установленном на его могиле.

ратуры XIX – XX вв.: «Дай ему любые книги, которые ты любишь / в поисках утраченного времени / посторонний// дервиш и смерть, дурная кровь / мастер и Маргарита / Господа Глембаи / Проклятый двор, преступление и наказание / Дон Кихот, процесс / маленький принц / госпожа Деловой / волшебная гора / туннель, улисс / сто лет одиночества / война и мир / цветы зла...». Стихотворение К. Кюлаковой «Незнакомцу» («На непознатиот») тоже предполагает свой интертекстуальный ряд, направляя память читателя от А. Блока («Незнакомка») к его македонскому переводчику и знатоку, выдающемуся поэту Б. Конескому («Незнакомке»). Поэтесса рассчитывает, что она будет понята, а прием оценен.

Обращает на себя внимание и склонность авторов, включенных в антологию, к необычной трактовке известных мифов и архетипических для мирового искусства образов. А. Прокопиев обращается к мифу о Минотавре, предлагая трактовку лабиринта как библиотеки, книгохранилища с бесконечными рядами книжных полок, в котором нетрудно потеряться (перекличка с Х. Л. Борхесом и У. Эко). В основе рассказов А. Прокопиева «Минотавр ждёт» («Минотаврот чека»).

В рассказе Т. Крстеского «Убийство зайца» («Тепанье на див зајак») ярко проявляется фольклорное начало, что, как стало ясно позднее, является одной из характерных для национального постмодернизма черт.

В 1990-е гг. постмодернистский ироничный взгляд на культурное и литературное наследие нашел отражение в романе и драме. В них часто имеет место дегероизация величественных персонажей античных мифов, происходит демифологизация известных сюжетов. Героического ореола и идеализации лишается, в частности, один из самых популярных персонажей – Одиссей. При этом македонские авторы перекликаются не с культовым романом XX в. «Улисс» Д. Джойса (пародировал эпопею Гомера), а с Х. Л. Борхесом, который, как известно, неоднократно высказывался об универсальности «Одиссеи» и предлагал возможные варианты ее переосмысления.

В романе Д. Коцевского «Одиссей» (1991) со свойственной постмодернизму свободой предлагается отличная от мифа трактовка событий. Писатель строит конфликт романа на мотиве ревности героя, усомнившегося в верности супруги, что стало причиной расправы с женихами. Переосмыслению подвергся и образ Пенелопы, которая предстает независимой современной женщиной, готовой взбунтоваться против мужа и покинуть Итаку. В семье возникает конфликт. Три главных героя (Одиссей, Пенелопа и Телемах), каждый по-своему, пытаются разобраться в ситуации и дать оценку жестокого убийства женихов. Постепенно вырисовывается образ Одиссея, мало напоминающий античного героя. У Д. Коцевского он терпит крах, наказан судьбой, его корабли сожжены, а народ отказывается ему подчиняться. Можно добавить, что современная македонская женская поэзия подхватила эту версию, со всей решительностью становясь на сторону супруги героя.

Одним из самых популярных античных сюжетов стал у македонских писателей миф об Александре Македонском. Хотя македонские славяне не имеют никакого отношения к древним македонянам, образ великого полководца давно органично присутствует в македонской культуре. Традиция уходит корнями в средневековую литературу, когда роман «Александрюда» стал хорошо известен на Балканах. Южные славяне (и не только) в XVII – XIX вв. не сомневались в славянском происхождении Александра Македонского (И. Гундулич, П. П. Негош), а в последней четверти XIX в. миф о нем стал частью формирования национального самосознания македонцев (Г. Пулевский «Македонская Александрюда», 1892). На фоне активного использования имени Александра Великого в формировании современной македонской политической мифологии интерес к легендарному герою античности заметно возрос, что отразилось и в литературе.

Одним из самых известных в Македонии романов об Александре стал роман С. Мицковича «Александр и смерть» («Александр и смртта», 1992), где в центре внимания оказывается загадка места захоронения античного героя. Повествование ведется от имени друга и оруженосца Александра Архидея, который выступает «скриптором». Он пишет письмо Аристотелю, учителю Александра, рассказывая о последних днях императора, конфликтах в близком окружении царя, событиях после его смерти. Именно оруженосец заботится о ритуале погребения и мумификации, чтобы Александр обрел бессмертие, тогда как недавние соратники заняты разделом огромной империи и забыли о покойнике.

Накопленный славянским постмодернизмом опыт позволил выделить некоторые характерные для него черты. Он предложил свой постмодернистский вариант исторического прошлого и истории национальной культуры, не утратил связь с фольклором и откликнулся на радикальные изменения жизни в 1990-е гг.

История македонских земель стала источником сюжетов для Б. Миневского, новеллистика которого опубликована в сборнике писателя под названием «Ледяной глаз» («Ледно око», 1996). Рассказы объединяет мотив археологических раскопок, что позволило удачно использовать прием палимпсеста – обнаружить наслоения, позволяющие проникнуть в тайны минувшего. Писатель дополняет прием палимпсеста мотивом лабиринта, ибо в изучении прошлого так же легко потеряться, как в лабиринте. Сочетаются разные эпохи – античность, Средние века (память о Самуиле хранит древняя крепость Охрида) и османское завоевание, когда Марко Крале из Прилепа (город в Македонии) был грозой турок.

Яркой иллюстрацией эволюции постмодернизма может служить творчество В. Андоновского. В пьесе «Кандид в стране чудес» (1998/99) писатель обратился к трактовке повести Вольтера «Кандид или оптимизм» – одного из важнейших для эпохи Просвещения произведений. В центре внимания современного автора

оказалась проблема исторического оптимизма – одного из важнейших постулатов марксистской идеологии. Оптимистическое видение истории в 1990-е гг. в обстановке хаоса, войн и межэтнических конфликтов на Балканах перестало казаться убедительным, исчезла вера в возможность создания общества социальной справедливости, историческое развитие утратило перспективу. Логика истории оборачивается абсурдом и утратой веры в человека, силу его разума и сердца. Игра со зрителем и читателем начинается с эпиграфа, «официальной благодарности... друзьям моей семьи Вольтеру, Маркесу, Достоевскому и Экзюпери, которые вместе со мной писали эту пьесу, исправляли, вычеркивали, критиковали и искренне меня поддерживали в реализации моего замысла» [4, с. 7]. Если основа сюжета и главные действующие лица заимствованы у Вольтера (Кандид, Кинегонда (в русском варианте Кинегунда), Пангрос, Какамбо), Достоевский и его герои упоминаются в тексте («Этот маньяк пришел... Начал называть меня Лизой, упоминал каких-то чертей и какого-то Достоевского» [4, с. 83]), есть фразы, адресующие к Маркесу, то упоминание Экзюпери является мистификацией. Зато на Льюиса Кэрролла красноречиво указывает название и место действия пьесы, происходящее «в стране чудес», под которой подразумевается Македония. В пьесе пародируется возможность рациональной организации мира. Так, адвокату «древнему греку Пангросу из Прилепа» удалось доказать непричастность Кандида в государственной измене и изнасилованию, но пришлось признать проезд на красный цвет, за что героя приговаривают к смерти. Путем использования метатекста («Думаю, что он постмодернист, говорит как из какой-то книги. А вы знаете, что логика против постмодернизма, ведь постмодерн – логическая контрреволюция» [4, с. 83]) утверждается, что к самому большому абсурду приводят именно последовательные логические рассуждения.

Популярный у себя на родине и в соседних балканских странах македонский писатель Венко Андоновский² (1964) стал в последние несколько лет и в нашей стране известным автором, лауреатом ряда престижных литературных премий. На II Международном Славянском литературном форуме (2022) ему была вручена статуэтка «Золотой витязь», затем за роман «Пуп света» (2023) была присуждена престижная премия «Ясная поляна» (2023) в номинации «Иностранная литература». Он участвовал в Форуме объединенных культур (Санкт-Петербург, ноябрь

² В. Андоновский вошел в литературу на рубеже 1980 – 1990-х гг. как поэт («Нежное сердце варвара», 1986), прозаик («Фрески и гротески», 1993) и драматург («Адская машина», 1993; «Бунт в доме престарелых», 1994; «Славянский ковчег», 1998 и др.). На русский переведены романы «Пуп земли» (2000, рус пер. 2011), «Азбука для непослушных» (1994, рус. пер. 2016) и «Пуп света» (2023, рус пер. 2023), драма «Славянский ковчег» (2010) и отдельные стихотворения.

2023), где шла речь о необходимости сохранения мировой культуры в ее многообразии. Представитель самой молодой славянской литературы с древними корнями, народа, сохранившего свою идентичность вопреки суровым историческим испытаниям, В. Андоновский остро чувствует потребность серьезного разговора об аксиологии современного искусства слова. Ценностные доминанты, понимание ценностных смыслов художественной литературы, их интерпретации в произведениях современных авторов стали важной проблемой в XXI в. для славянских стран (и не только) по ряду причин. На фоне крупных общественно-политических сдвигов в последние десятилетия коммерциализация литературы приобрела интенсивный характер и серьезно затронула славянские литературы, которые в обстановке культурной глобализации оказались в весьма сложной ситуации. Парадоксальным образом вопрос сохранения ими самобытности возник и обострился параллельно с утверждением в 1990-е гг. в этих литературах постмодернизма с его установкой на широкое, свободное (даже вольное) обращение к мировой литературной традиции, ориентацию на тип «культурного» читателя, восприимчивого к глубинным смыслам многоуровневого текста, готового вступить в предложенную автором «игру». В силу универсальности постмодернистского сознания, его «непривязанности» к конкретной национальной культуре и известной «космополитичности» ряд исследователей считал, что национальное лицо в постмодернизме практически отсутствует [5, с. 106].

Постмодернизм в 1990-х – 2010-х гг. стал одним из основных течений македонской литературы. Среди ее авторов В. Андоновский занимает значительное место [6]. В то же время, наряду с возможностями, которые открывал постмодернизм (наиболее привлекательно выглядела в начале 1990-х гг. идея отмены монополии на истину как протест против господства марксистской идеологии и культивирование особого типа иронии), писатель придает важное значение связи современников с национальным прошлым и культурой своего народа. Широко пользуясь характерными для постмодернизма приемами, В. Андоновский обращается к богатой традиции национальной культуры, фольклору и мифологии. Он рассчитывает свои произведения на образованного читателя, имеющего хорошее представление о литературных сюжетах, мотивах, образах, почерпнутых из мировой литературы, но и такого читателя, который знает историю культуры своего народа. Это качество проявилось у писателя уже в первом романе «Азбука для непослушных»

³В Институте Славяноведения РАН в 2020 г. была проведена конференция «Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (III Хоревские чтения)», а в 2021 г. был издан сборник статей по материалам конференции.

(1994), который принес автору известность и не только у себя на родине. В свойственной постмодернизму свободной манере писатель предлагает свою интерпретацию истории создания славянского письма, касается вопроса о замене глаголицы кириллицей, упоминает о Св. Кирилле, вызывает ассоциации с текстом Черноризца Храбра, рассуждает о сакральном и истинном смысле букв. Убедительно звучит мысль о значительном вкладе славян в мировую культуру в пьесе «Славянский ковчег» (1998) и романе «Пуп земли» (2001).

Одна из сюжетных линий романа «Пуп земли», как и «Азбука для непослушных», строится с использованием мотивов деятельности первых славянских просветителей. Герой повествования Илларион Сказитель, живший во времена создания славянской азбуки, в IX веке, пытается разгадать древнюю надпись, постичь смысл букв и силу слова, узнать, где находится Пуп Земли, откуда берет начало древнее письмо. В. Андоновский погружает читателя в игру взаимодействий древних памятников, отсылая одновременно к таким космологическим понятиям, как центр мира, точка равновесия, смысл слова и его истинность. Писатель гордится историей своего народа, настойчиво напоминая о ней современникам. Он осознавал духовный потенциал национальной культуры, выстраивая ценностные доминанты в своих произведениях. И тем острее вставала проблема противостояния унификации культуры, необходимость серьезного анализа этого явления.

В. Андоновский заметил опасность глобализма, когда этот вопрос еще так широко не обсуждался, и высказал свое в нем отношении в своих произведениях. Он говорил о необходимости сохранения культурной идентичности, зачастую не пренебрегая открытой публицистичностью высказываний. Поиски точки опоры наметились в пьесе «Славянский ковчег» (1998), где спасение видится в возвращении народу самоуважения и осознания ценности национальной культуры: «Если бы могли, вы бы изгадили гробы предков, лишь бы Запад сказал, что это искусство. А по сути вы создаете дешевку. Вместо того, чтобы рисовать фрески. Знаете ли, что бы сделал Запад, если бы имел ваши фрески? Наплевал бы на свои несчастные авангарды, трансавангарды и постмодерны» [4, с. 214].

Деятельность солунских братьев и их учеников Климента и Наума Охридских «Азбука для непослушных» (1994) и «Пуп земли» (2001). Действие романа «Азбука для непослушных» сосредоточено вокруг создания славянского алфавита. В. Андоновский в постмодернистском ключе обыгрывает известные в палеославистике дискуссии и том, какая азбука на самом деле была создана Кириллом и Мефодием, глаголица или кириллица. Автор придерживается точки зрения (она в современной науке преобладает), что это была глаголица, и македонские славяне сыграли большую роль в распространении письменности.

В 1990-е гг. это направление начинает проявлять первые признаки «усталости». Ощущается утрата новизны и определенная исчерпанность постмодернистской модели повествования. Так, рассказе М. Манчевского «Потолок» («Таван», включен в антологию «Тайная комната») интерпретируется известный мотив росписи Сикстинской капеллы Микеланджело. Мотив отношений великого мастера эпохи Ренессанса и римских пап традиционно интерпретируется как пример сложного взаимодействия художника и власти. Художник приходит к выводу, что искусство – это не игра, искусство – это страдание.

В 2000-е гг. появился целый ряд произведений, художественное содержание которых показывает переосмысление литературой категорий постмодернистской поэтики. Одним из самых ярких примеров можно считать роман Тани Урошевич «Аквамарин» (2004). На первый взгляд, это постмодернистский роман, в котором главный герой – преподаватель классической филологии, который пытается проникнуть в полную тайн историю жизненного пути своего отца. Ассоциативная связь с «Одиссеей» весьма прозрачна: герой оказывается недалеко от Итаки, посетить которую зазывает яхта под названием «Итака», одну из героинь зовут Навсика, которая, как Навсикая у Гомера, является спасительницей терпящего жизненное бедствие человека. Можно было бы добавить, что преданная Пенелопа (мать героя) была покинута своим мужем. Однако интерпретация известного сюжета отнюдь не игра, история семьи несет отпечаток сурового времени. Она приобретает глубокий смысл и трагический оттенок, так как речь идет о тяжелой судьбе белого русского офицера, осевшего в числе многих русских беженцев в 1920-е гг. в Македонии. Человек, вырванный из привычного мира, его страдания и неодолимая тоска по родному краю, глубокие переживания взрослого сына, который всю жизнь пытался узнать о судьбе пропавшего отца, – за всем этим не вымышленная, а реальная драма человека XX века. Для Т. Урошевич, отец которой был русским, это глубоко выстраданная тема. Действия романа происходит накануне распада Югославии. Неизбежность новых социальных потрясений и кровавых межнациональных конфликтов предчувствует ряд героев повествования. Таким образом, проводится параллель между революционными событиями в России, бедами, обрушившимися на миллионы людей, и тем сложным временем, которое пережила Македония в конце XX века.

Профессиональный филолог В. Андоновский неоднократно критически высказывался по поводу состояния современной национальной и мировой литературы, оказавшейся перед непростым выбором между содержательностью, духовностью и коммерческим успехом. Этот выбор македонский писатель остроумно назвал дилеммой современного автора между Достоевским и «Макдональдсом». В наиболее законченном виде его представления о феномене ценностей в художественном

творчестве были сформулированы им в докладе на XVI Международном съезде славистов в Белграде (2018) и затем развиты в литературно-критическом эссе «Достоевский и Макдональдс» (2019), в котором с темпераментом полемиста он обрушился на такое распространенное явление современной культуры, как бестселлер, называя его литературным фастфудом.

Композиция романа построена на противопоставлении ценностей «низшего» и «высшего» порядка: денег, успеха, бездуховного западного мира и поиска смысла жизни и творчества, духовного просветления. В этом ключе следует трактовать и смысл названия романа «Пуп света». Это возможность покаяния и обретения высшего смысла жизни, построенной по законам искренней любви. «Все, что нужно сделать человеку, это затеплить лампаду, взять свет от великого светильника и сохранить и поддерживать его в своем доме» [4, с. 414] – так завершает свое повествование В. Андоновский, обнажая его главную ценностную установку.

Г. Господинов роман «Естественный роман» («Естествен роман», 1999), «Физика грусти» (2011). Второй роман Г. Господинова – «Физика грусти» – видится уже как более зрелое произведение, ушедшее от следования постмодернистской моде. Несмотря на повторение некоторых черт «Естественного романа» (поэтизация преходящего, тленного, списки разных вещей ушедших эпох, неразделение автора и главного героя, демифологизация и др.) произведение затрагивает ряд проблем и развивает актуальные мотивы, выводящих его на совершенно иной уровень. В романе автор рассуждает о потерянном поколении, будто бы еще не оправившегося от социально-политических потрясений конца прошлого столетия. Вводится фигура Минотавра, представленного в виде беззащитного и печального мальчика с головой быка. Этот образ стал одним из ведущих образов романа, параллели с которым дают нам ключ к авторскому видению себя и своих сограждан в сегодняшней Болгарии и в той Болгарии, смерть которой (согласно учебникам истории) приходится на 90-е годы XX века. Можно предположить, что Г. Господинов считает, что его страна после падения социалистического строя попала в лабиринт, из которого сложно выбраться. Недаром он называет ее «едно празно място – между Истанбул, Виена и Будапеща» («пустое место между Стамбулом, Веной и Будапештом»), «най-тъжното място на света» («самое грустное место в мире») и ставит себе выдуманный синдром Минотавра, так как все свое детство он провел в съемных квартирах, предоставленный самому себе. Весь болгарский народ представляется Г. Господину этим оставленным всеми мальчиком, проводящим будни в полуподвальном помещении и читающим мифы Древней Греции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексикон јужнословјанских литератур. – М. : Индрик, 2012. – 592 с.
2. Постмодернизам в славјанских литературах. – М. : Институт славјановедения РАН, 2004. – 206 с.
3. Ѓурчинов, М. Освојување на реалноста: интелектуална автобиографија / М. Ѓурчинов. – Скопје : Зумпрес, 2000. – 486 с.
4. Андоновский, В. Пуп света : (роман в трёх шрифтах и одной рукописи света) / Венко Андоновский ; пер. с макед. Ольги Панькиной. – Москва : Институт перевода, 2023. – 415 с.
5. Попов, Д. А. Специфика национального постмодерна: миф и реальность / Д. А. Попов // История и историческая память. – Саратов. – 2015. – № 11. – С. 100 – 107.
6. Шешкен, А. Г. Македонские писатели в лабиринте постмодернизма / А. Г. Шешкен // Славяноведение. – 2019. – № 4. – С. 60–69. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://slav.jes.su/S0869544X0005442-9-1>. – Дата доступа : 29.04.2024.